

Хасавнех Алсу Ахмадулловна

О ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ

В статье дается краткий обзор поэтическому сборнику А. Каргальи, состоящему из десяти повествований о мусульманских пророках и святых. В ней также раскрываются оригинальная авторская интерпретация сюжетов рассказов, неповторимый лаконичный стиль поэта. Рассказы характеризуются широким разнообразием суфийских образов и мотивов. Сюжеты рассказов заимствованы из Корана, хадисов, различных восточных преданий и сказаний, но в то же время их отличает национальная самобытность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 78-81. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

15. **Фильчук Т. Ф.** Категория интертекстуальности в её лингвофилософской природе и дискурсивных проявлениях // Вестник Харьковского национального университета. 2011. Вып. 61. С. 26-32.
16. **Хохлова Е. В.** Проблема верифицируемости воспоминаний в автобиографической книге Дж. Барнса «Нечего бояться» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1 (2). С. 387-392.
17. **Хьюитт К.** Современный английский роман в контексте культуры. Комментарий как форма преподавания // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 46-72.
18. **Ямпольский М. Б.** Память Тиресия. М.: РИК «Культура», 1993. 437 с.
19. **Barnes J.** Nothing to be Brightened of. London: Random House Group Limited, 2008. 256 p.
20. **Bradford R. J.** Barnes's "England, England" and Englishness // Barnes J. Contemporary Critical Perspectives. London: Continuum International Publishing Group, 2011. P. 103-117.
21. **Childs P.** Matters of Life and Death: the Short Stories of J. Barnes // Barnes J. Contemporary Critical Perspectives. London: Continuum International Publishing Group, 2011. P. 92-103.
22. **Conversations with Julian Barnes** / ed. by V. Guignery and R. Roberts. The USA: The University Press of Mississippi, 2009. 212 p.
23. **Guignery V.** The Fiction of Julian Barnes. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006. 168 p.
24. **Moseley M.** Crossing the Channel: Europe and the Three Uses of France in J. Barnes's "Talking it Over" // Barnes J. Contemporary Critical Perspectives. London: Continuum International Publishing Group, 2011. P. 69-81.
25. **Roberts R.** Inventing a Way to the Truth: Life and Fiction in J. Barnes's "Flaubert's Parrot" // Barnes J. Contemporary Critical Perspectives. London: Continuum International Publishing Group, 2011. P. 24-37.
26. **Taunton M.** The Flâneur and the Freeholder: Paris and London in J. Barnes's "Metroland" // Barnes J. Contemporary Critical Perspectives. London: Continuum International Publishing Group, 2011. P. 11-24.

**“THE HERALDIC CONSTRUCTION” OF INTERTEXTUALITY
IN J. BARNES’ AUTOBIOGRAPHICAL ESSAY “NOTHING TO BE FRIGHTENED OF”**

Khar'kova Yuliya Vladimirovna
Bashkir State University
bardas@yandex.ru

The article deals with the implicit intertextual relation of the passage from J. Barnes' autobiographical essay "Nothing to Be Frightened Of" and the biblical myth of the Fall of Man. The author reveals the intertextual "anomaly" that is such intertextual element of text which cannot get enough weighty motivation from the narrative logic, and builds on its basis the intertextual "heraldic construction" developed by M. B. Jampolski in relation to the phenomenon of intertextuality in the cinematography of the XX century. The use of this construction in the literary text analysis allows explaining the author's usage of "anomalous quotation" by means of comparing differently-coded text fragments which convey the similar message, and expanding the scope of its interpretation by attracting the texts of other authors.

Key words and phrases: intertextuality; intertextual relation; "anomaly"; "heraldic construction"; quotation; J. Barnes.

УДК 821.512.145

В статье дается краткий обзор поэтическому сборнику А. Каргалый, состоящему из десяти повествований о мусульманских пророках и святых. В ней также раскрываются оригинальная авторская интерпретация сюжетов рассказов, неповторимый лаконичный стиль поэта. Рассказы характеризуются широким разнообразием суфийских образов и мотивов. Сюжеты рассказов заимствованы из Корана, хадисов, различных восточных преданий и сказаний, но в то же время их отличает национальная самобытность.

Ключевые слова и фразы: суфизм; движение абызов; мусульманские пророки и святые; авторская интерпретация; коранические сюжеты; восточные предания и легенды.

Хасавнех Алсу Ахмадулловна, к. филол. н.

Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
alise_12345@mail.ru

О ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ

Творчество поэта-суфия Абульманиха Каргалый (1782 – после 1833 г.) в истории татарской литературы занимает видное место. Его поэтический дар, отобразившийся в рукописных и печатных произведениях, в свое время был высоко оценен Ризаэдином б. Фахрутдином (1859-1936), К. Насыри (1825-1902), Дж. Валиди (1887-1932), М. М. Рамзи (1855-1934), Г. Ибрагимовым (1887-1938), Г. Исхакый (1878-1954) и др. Так, например, литературный классик Г. Ибрагимов называл поэта «дитя своего времени», «личность, раскрывшаяся и сформировавшаяся в условиях культурно-экономических преобразований той эпохи» [3, б. 44]. К сожалению, до сегодняшнего дня жизнедеятельность и творческое наследие поэта оставались практически неизученными.

О биографии поэта мы знаем немного. Абульманих б. Абдулфаиз Габдуссаламов родился в Саидовском посаде города Каргалы недалеко от Оренбурга. Его дед Габдуссалам Ураз б. Мухаммат, родом из деревни Менгер Казанского уезда, служил имамом в деревнях Ташкичу и Абаги [7, ед. хр. 2450, л. 34].

Некоторые сведения, которыми мы располагаем, относятся к генеалогии поэта: «Первый имам [Сеидовского посада – прим. автора – А. Х.] Габдуссалам бин Уразмухаммед (Урай) бин Кулмухаммед бин Кулчура – выходец из деревни Менгер Алатской дороги Казанского края. Известно, что в 1159 г. по Хиджри [1746 – Милляди – прим. автора – А. Х.] занимался обучением [детей] в деревне Ташкичу Казанского края» [Там же, л. 59]. О жизни поэта Р. Фахредин пишет: «Он [Абульманих Каргалый – прим. автора – А. Х.] в 1231 г. [1816 – Милляди – прим. автора – А. Х.] в качестве сопровождающего некоему послу по имени Мухаммед Йусуф отправился в город Стамбул, оттуда направился в паломничество, посетил Мекку и Медину. Говорят, когда ему было сорок лет, он с целью повторного совершения паломничества отправился в Хиджаз, и в 1240 году умер в пути» [1, б. 201].

В числе первых в 1745 г. он покидает родные земли и вместе с семьей переселяется в Каргалы, где достигает звания ахуна. Известно, что к моменту возвращения А. Каргалый из его знаменитого путешествия по странам Востока в родные края, там с новой силой вспыхнуло движение абызов (абыз-агайлар, от арабского «хафиз» – знающий Коран наизусть) как протест против политики царизма и Духовного управления мусульман. Духовное управление мусульман ввело новое положение, согласно которому религиозные служители переходили в статус «указных мулл». Абызы, просвещенная часть религиозных деятелей, получивших образование в знаменитых учебных заведениях мусульманского мира, таких как Бухара или Кабул, терпят поражение в этой борьбе под единым ударом царской политики, Духовного управления мусульман и указных мулл, нанятых полицией для доносов и отчетов. Эти события описываются в газете «Вақыт» [2].

Есть основания предполагать, что Абульманих Каргалый уже в студенческие годы был не понаслышке знаком с движением абызов. И тот факт, что ни его отец, ни старший брат Абульфаиз, ни он сам не являлись указными муллами, может быть напрямую связан с этими событиями.

А. Каргалый ощущает себя человеком, на которого возложена важная и ответственная миссия. Поэтический сборник поэта «Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгъйди» / «Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Сайди», включающего в себя десять стихотворных рассказов о жизни мусульманских пророков и святых, был написан в то время, когда татарская общественная мысль переживала полную растерянность, – примерно в период с 1820 по 1825 гг., когда в свет вышла «Мөһиммәт әз-заман» Г. Утыз Имяни (1752-1836).

Книга А. Каргалый «Тәржемәи хажи Әбелмәних...» была издана в Казани в 1845 г. В 1889 г. в типографии Казанского университета на средства жителя деревни Нижняя Корса Шамсутдин б. Хусаина вышло его второе издание.

А. Каргалый является своего рода продолжателем и преемником тех прекрасных традиций и достижений татарской поэзии, которые мы ощущаем и в творчестве Г. Утыз Имяни (актуальность, публицистический тон, сознательное избегание «приукрашиваний» и искусственности и т.д.). Так же как и у Г. Утыз Имяни, произведения А. Каргалый начинаются непосредственно с самого сюжета: *Бер көн хужа Хәсән Басрыи мәгәр // Хәзрәти Рабига Годувины күрер.* / «В один из дней хаджа Хасан Басри // Увидел хазрати Рабигу Годуви» [4, б. 2]. Традиционные в средневековых литературных мусульманского Востока вступления / *мукаддима* с восхвалениями Аллаху и Его пророку Мухаммаду отступают на задний план и уже перестают быть обязательным элементом литературных произведений татарских авторов. И в последующих строках поэтических творений А. Каргалый, дабы притушить скандирование, в некоторой степени обесцвечиваются и «ломаются» поэтические приукрашивания, ритмический размер гаруз (мәфагыйлун – мәфагыйлун – мәфагыйль – хазаже мөсәддәсе мәксүр), жесткие рамки. Эти элементы в произведениях поэта замещает усиливающаяся публицистическая интонация. Диалог, интонационная подвижность (элементы, которые активно стали применяться лишь в татарской реалистической поэзии XX в.) за всю историю татарской литературы впервые ярко и отчетливо проявились в творчестве А. Каргалый. Вышеперечисленные особенности свойственны каждому из десяти поэтических повествований в «Тәржемәи хажи Әбелмәних...». Помимо всего прочего, рассказам присуща некая компактность и информационная насыщенность; порой даже некоторые из двустийшии содержат в себе целую кладезь религиозной, философско-этической мысли. Читая произведения поэта, складывается впечатление, что они были созданы таким образом, чтобы читатель мог сам додумать, найти для себя истинный смысл сюжетов, прийти к соответствующим выводам.

Несомненно, рассказы татарского поэта по своему духу и содержанию относятся к разряду суфийских. Доказательством тому служит большое количество самых разнообразных суфийских образов и символов: жемчуга / *dörr*, луча / *nur*, хирка / *gəbä*, мотка шерсти / *йомгак*; *жəб* и др., суфийских метафор и сравнений, как то: смерть в образе палача смерти / *улем жəллəде*, сравнение богатства мира с разбитой чашей: *Дəнъя мөлкə – барчасы ватык чынаяк* / «Богатства всего мира – лишь разбитая чаша», сравнение сгорбленной фигуры старика с арабской буквой «даль» и т.д. В центре повествований – пророки Аллаха: Муса, Ибрахим, Йа'куб, Йусуф, мусульманские святые, видные суфийские шейхи – Ибрахим ибн Адхам, Хасан Басри, Раби'а ал-'Адавийя, 'Абд ал-Кадир ал-Гилани, Фудайл ибн Ййад и др. Примечательно, что в отношении суфийских шейхов и наставников А. Каргалый в своих рассказах применяет также чисто суфийские эпитеты: «*мөкəммəl*», «*камил*» / совершенный; «*куркəм*» / притягательный, прекрасный; «*яхшы зат*» / хороший человек; «*олы табигатьле*» / обладатель высоких качеств; «*жəһан шəехе*» / шейх всего мира; «*күңел əһеле*» / обладатель души, сердца; «*халь əһеле*» / обладатель особого экстатического состояния; «*ахл ал-батин*» / владеющий скрытым [знанием] и т.д.

Сюжет практически каждого из рассказов заимствован из древних легенд и преданий. Но, к сожалению, истоки некоторых из этих повествований установить не удалось. Возможно, на сегодняшний день эта задача представляется трудновыполнимой или практически невыполнимой. Во-первых, на наш взгляд, в большинстве своем рассказы, бытовавшие среди татар, представляют собой разнообразный калейдоскоп, сочетающий в себе элементы и сюжеты, заимствованные из древних культур народов Индии, Греции, Аравии и, конечно же, Персии. Такие рассказы, прошедшие несколько этапов трансформации по пути из Индии до Волго-Уральского региона через территории Средней Азии и Кавказа, пользовались необычайной популярностью среди простого народа; их передавали из уст в уста, шакирды медресе переписывали их в свои тетради (*дафтары*), они издавались отдельными поэтическими сборниками и т.д. и т.п. Довольно часто эти повествования обрастали новыми и новыми сюжетами, мотивами и видоизменялись настолько, что уже имели очень мало общего с оригиналами. В некоторых рассказах заметно влияние мотивов и символов из татарского фольклора. Так, например, в «Хикяте тэсигъ» / «Девятом рассказе» включен мифический сюжет исчезновения из дворца правителя и правительницы. Это обстоятельство свита и прислуга объясняют вмешательством нечистой силы в лице пэри. В «Хикяте салис» / «Третий рассказ», повествующем о жителях города Саба, вошло множество вымышленных, фантастических деталей. Автор как бы наращивает сюжет Корана. В повествовании идеальному городу присущи двенадцать особенностей: его жители не испытывают никаких страданий в виде болезней, жары, холода, боли, сам воздух его благословенен и излечивает от всех болезней, где врачи уже бессильны; женщины при родах засыпают и не чувствуют боли; одежда дается людям от рождения и увеличивается в размере по мере роста и т.д. Интерпретация основного сюжета притчи присуща практически каждому из десяти поэтических повествований татарского поэта. Так, в «Хикайте самин» / «Восьмом рассказе» А. Каргалый о споре китайцев с ромейцами стену не очищают от ржавчины и не полируют, как представлено это в оригинальном произведении Дж. Руми «Спор византийцев с китайцами» из «Маснави», на стену вывешивают зеркало. Однако же суть от этого не меняется: и «зеркало» А. Каргалый, и «отполированная стена» Дж. Руми символизируют сердце суфия, очищенное от мирских утех и благ, отражающее Аллаха. Таким образом, А. Каргалый вводит в свое произведение специфический, суфийский образ зеркала, который становится основным образом, вплетенным в общую канву сюжетной линии. Также, в отличие от оригинальной притчи Дж. Руми, в пересказе татарского автора царь входит исключительно только к китайцам, дабы оценить их творение, и факт отсутствия на их стене какого-либо изображения приводит его к крайнему изумлению. По просьбе китайцев завесу, отделяющую их от византийцев, снимают, и взорам присутствующих открывается все великолепие отображаемой на зеркале картины, написанной византийцами: *Падишаһ əйтə: «Гəжəб бу сүзегез, Юк ич диварда һичнинди бизəгегез». // Болар əйтə: «Сəнгəтебезне, һичшиксез, Пəрдəне алгач күрерсез... Шул чагында күтəрделəр пəрдəне, Ни күрерлəр, күрделəр карты-яше. // Румлылар төшəргəн төрлə бизəклəр, Ничəмə-ничə төс белəн ясалган гүзəl кошлар» [Там же, б. 39]. / Царь сказал: «Удивительны речи ваши, На стене нет никакого изображения». Те ответили: «Искусство наше оцените, приподняв завесу... В тот же миг завесу устранив, Представилось взорам и младу и стару». // Написанные византийцами множеством разных красок узоры и [немислимой] красоты птицы.*

В «Хикайте сани» / «Втором рассказе», повествующем о Шамсуне (библ. – Самсоне) и его коварной возлюбленной, А. Каргалый вносит свою авторскую трактовку сюжета. Шамсун у татарского поэта представлен как мусульманский святой / *вали*, проводящий ночи в молитвах, ради Аллаха участвует в сражении с неверными-кяферами (в иудейских священных писаниях – филистимляне), держит пост / *ураза*: *Ады Шəмсун – бəни Исраилдəн, Вар иде бер кеше йүчə вəлидəн. / «В народе израиелевом жил Шамсун – / Человек – святой, великий». По христианской же версии, Самсон был назореем Божиим, и т.д.*

По мнению известного ученого, литературоведа Гали Рахима, несмотря на то, что в основе распространенных среди татар хикаятов, принадлежащих перу различных авторов, в большинстве своем лежат произведения на восточных языках, они настолько видоизменились в переводе их на татарский язык, настолько были интерпретированы татарскими авторами, что сложно их причислить к разряду заимствованных из восточной литературы произведений, скорее, мы можем говорить о них как о литературных творениях Поволжья, наряду с такими поэмами, как «Тахир и Зухра» [5, б. 49].

Сам автор сборника во втором рассказе («Хикайте сани») в качестве источников некоторых своих рассказов называет две книги: «Тафсир-е кабир» / «Большой тафсир» и «Мишкат ал-анвар» / «Источник лучей» имама

ал-Газали. Однако, в действительности, поэтические сказания А. Каргалый имеют мало общего с вышеназванными книгами; по крайней мере, к оригиналам их причислить было бы крайне трудно, в особенности, философско-религиозный трактат Газали «Мишкат ал-анвар». Что касается широко распространенного среди татар XIX столетия тафсира Корана «Тафсир-е кабир», А. Каргалый использовал некоторые сюжеты из истории пророков в своих рассказах, в частности, речь идет о первом и третьем рассказах («Хикятел эввал», «Хикяте салис»).

По всей вероятности, идея, которой руководствовался А. Каргалый при написании своих рассказов заключалась в призыве абызов объединиться в единую и крепкую организацию, схожую с суфийскими тарикатами. Это способствовало приданию этой книге современного и актуального звучания. Поэтому то, что автор сборника указывает в качестве одного из главных источников к своим произведениям книгу Имама Газали «Мишкат ал-анвар», служило своего рода «ширмой» от преследований со стороны указных мулл и царских ведомств.

Весь поэтический сборник татарского поэта можно разделить на несколько тематических блоков. Здесь имеются рассказы о превосходстве прощения / *истиғфар*, терпения / *сабр*, о взаимоотношениях наставника / *шайх* и ученика / *мурид*, переходящем характере земных благ, неминуемости смерти и т.д. Сюжеты большинства рассказов заимствованы из Корана; имеется и рассказ о Шамсуне (библ. – Самсон) и его коварной жене, заимствованный из Библии.

В основе всех рассказов сборника А. Каргалый лежит мораль, назидание, наставление. После каждого повествования, притчи следует авторское отступление, где подводятся выводы, выводится мудрость. В этой части автор акцентирует внимание читателей на совершении благих деяний, служении ближним. На примере жизнеописаний пророков и святых автор призывает своих читателей к добродетельным поступкам, стойко переносить любые испытания, сохраняя при этом верность своим идеалам. Поэтому-то основным лейтмотивом стихов поэта является их этическое составляющее.

А. Каргалый и сам являлся активным борцом за права и свободы своего народа. Изучение ранее неисследованных страниц биографии А. Каргалый позволило нам прийти к выводу о том, что, по всей видимости, он был участником движения абызов и активно боролся за свободы и права своего народа.

Творчество А. Каргалый в структурно-содержательном плане напоминает «калейдоскоп», где причудливым образом переплетается множество самых разнообразных мотивов, сюжетов и историй. Рассказы, включенные в сборник «Тәржемәи хажи Әбелмәних...», отличаются оригинальной авторской интерпретацией, яркими традиционными образами и мотивами, лаконичным стилем, избеганием различного рода «приукрашиваний», свойственным авторам предшествующих столетий, публицистической интонацией, яркими диалогами, способностью воздействовать на воображение и эмоции читателя своими неповторимыми образами и мотивами. В сюжетную канву произведений, как мы видели из вышеприведенного обзора, вплетено много дополнительных образов, мотивов и деталей, – что и придает повествованиям татарского поэта оригинальность и неповторимость, подчеркивает многогранность его таланта.

Опираясь на традиции и художественное богатство прошлого, А. Каргалый привнес в татарскую литературу много новаторских черт и тенденций. Несомненно, данный поэтический сборник поэта займет достойное место в сокровищнице татарской литературы XIX в.

Список литературы

1. **Асар.** Мөлкәтемездә улан Ислам галимләренең вә мәшһүр кемсәләренең тәржемә табакьәләре тарих, вәладәт вә вафатлары, вә башка әхвалләре хакында йазылмыш китабдыр. Дүртенче жәзә. Сахибе Ризәддин бине Фәхрәддин. Оренбург: Тип. М.-Ф. Г. Каримова, 1903. 612 б.
2. **Борынгы хәбәрләр, яки тар-ган бер кәгазь** // Вақыт. 1907. № 214.
3. **Ибраһимов Г.** Ижтимагый-әдәби хәрәкәтләр тарихын тикшерүдә марксизм ысулы // Безнең юл. 1922. № 2.
4. **Каргалый Ә.** Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәғыйди. Казан: Казан ун-ның табгыханәсе, 1889. 52 б.
5. **Рәхим Г., Газиз Г.** Татар әдәбияты тарихы. Борынгы дәвер. 1 бүлек. Казан, 1925. 252 б.
6. **Республика Татарстан. Административно-территориальное деление на 1 января 1992 года** / сост. Б. Х. Сыромолотов. Казань: Барс, 1992. 342 с.
7. **Российский государственный архив древних актов.** Ф. 350. Оп. 2.

ON A POETIC COLLECTION BY ABULMANIKH KARGALY

Khasavnekh Alsu Akhmadullova, Ph. D. in Philology
*The Centre of Written and Musical Heritage of the Institute of Language, Literature
 and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*
alise_12345@mail.ru

The article gives a brief review of a poetic collection by A. Kargaly, consisting of ten narrations about the Muslim prophets and saints. Original author's interpretation of the plots of stories, the unique laconic poet's style is also revealed in it. The stories are characterized by a broad variety of Sufi images and motives. The plots of the stories are obtained from Koran, hadiths, various eastern legends and stories, but at the same time they are distinguished by national originality.

Key words and phrases: Sufism; the movement of mullahs; Muslim prophets and saints; author's interpretation; Koranic plots; eastern traditions and legends.